

ГУЛЯЛ — НАГУЛЯЛ — НАГУЛЯЛСЯ. ЗАМЕТКИ О СТРУКТУРЕ ПРЕФИКСАЛЬНО- ПОСТФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Киселева К. Л. (xenkis@mail.ru)

Институт русского языка РАН, Москва, Россия

Татевосов С. Г. (tatevosov@gmail.com)

МГУ и НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Ключевые слова: деривационная морфология, циркумфиксы, структура события, деятельности, свершения

NOTES ON THE STRUCTURE OF CIRCUMFIXAL VERBS IN RUSSIAN

Kisseleva X. L. (xenkis@mail.ru)

Vinogradov Institute for Russian Language, Moscow, Russia

Tatevosov S. G. (tatevosov@gmail.com)

Lomonosov Moscow State University and
Higher School of Economics, Moscow, Russia

The paper argues for an analysis that reduces the derivation of non-compositional circumfixal verbs to a fully compositional combination of two pieces of morphology independently attested in Russian, a (resultative) prefix, and the reflexive morpheme *-sja*. Circumfixal verbs are analyzed as involving the following steps of derivation. First, the activity event structure projected by a non-derived stem is augmented by the change-of-state component that turns it into an accomplishment event structure. Secondly, prefixation occurs that introduces the maximal degree of change along a relevant scale creating a transitive verb. Such a verb, however, is ill-formed since the change-of-state component has not been licensed via lexical insertion. To rescue the derivation, reflexivization is invoked, and the change-of-state subevent gets licensed through identification of its participant with the clausal subject. A wider theoretical implication of the analysis is that circumfixation, as a primitive type of affixation, is superfluous and is to be abandoned.

Key words: derivational morphology, circumfixation, event structure, activities, accomplishments

Цель этой работы¹ — сделать несколько шагов на пути избавления русской грамматики от таких способов словообразования, таких, как префиксально-суффиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-постфиксальный. Последний иллюстрируется примерами типа (1) из АГ80:

- (1) a. *Артисты еще впоются, **выграются** в свою роль.*
b. ***Взбубнилась** злота.*
c. *Илья не **выхворался**.*
d. *При громадной усидчивости, трудоотдаче он может **дописаться** до прозы, которая будет почти точной копией хорошей.*
e. *Не слишком ли мы **запраздновались**?*
f. *Все **иззавидовались**.*
g. — А ну встать! — Отставить! Уже **навставались**.
h. ***Опившись** квасу, Яков пошел на берег.*
i. *Нинка **обрыдалась** и обещала перемениться.*
j. ***Откукарекался**, — усмехнулся Игнат.*
k. *Никак не могу я к ней **подтанцеваться**.*
l. *Стараюсь **прииграться** к нападающему, понять «язык» егодвижений.*
m. *Он **проорался**, и мы пошли к Ольге.*
o. *У нас тут ползавода **разгриввалось**.*
p. *Все **слеглись** в одной палатке.*
q. *Я прямо **ухихикался**.*

Такие глаголы образуются, согласно АГ80, присоединением сложного форманта (в других терминах — циркумфикса), состоящего из префикса и постфикса (*в-ся, на-ся, раз-ся* и т.д.). *На-ся*, например, имеет значение «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия».

Эмпирическая реальность циркумфиксов опирается на два факта: их значение идиоматично, а глаголы, в которых один из элементов циркумфикса отсутствует, не существуют в качестве самостоятельной лексической единицы².

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 14-06-00435. Авторы глубоко признательны четверем анонимным рецензентам «Диалога» за внимательное отношение к этой статье.

² Один из четырех анонимных рецензентов «Диалога» указывает: «Постулирование единой словообразовательной единицы циркумфикса *на-...-ся* обусловлена ... 2) вхождением этого циркумфикса, как и ряда других, в языковую компетенцию говорящих на русском языке как самостоятельной единицы (ср. классическую работу И. А. Мельчука про „ты у меня допереключаешься“). Это утверждение представляется несколько поспешным. Ни И. А. Мельчук, ни кто-либо другой, насколько нам известно, не владеет приемами, позволяющими превратить языковую компетенцию в объект, доступный для непосредственного наблюдения. Задача, которую И. А. Мельчук поставил перед собой в [Мельчук 1995], существенно скромнее: предложить описание соответствующей конструкции, удовлетворяющее критериям формальности, принятым в «Модели 'Смысл — Текст'». В пределах этой статьи мы не имеем возможности обсуждать достоинства и недостатки этого описания.

Возьмем, например, *нагуляться* в (2). В русском языке у *нагуляться* нет переходного аналога *нагулять* (то есть глагола со значением «**довести** до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного гуляния», (3a); о глаголе *нагулять* в случаях типа *нагулять аппетит* будет сказано ниже). Нет и глагола *гуляться*, (3b). Это как будто исключает деривационные цепочки в (4) и требует признать анализ в (5) единственно возможным.

(2) *Володя нагулялся.*

(3) a. **Володя нагулял Феликса.*

b. **Володя гулялся.*

(4) a. *Гулять* → **на-гулять** → *нагулять-ся*

b. *Гулять* → *гулять-ся* → **на-гуляться**

(5) *Гулять* → **на-гулять-ся**

Чем плоха «циркумфиксация» с теоретической точки зрения? Тем, что она увеличивает репертуар элементарных позиционных типов аффиксов, наращивает объем параметров межъязыкового варьирования и катастрофически усложняет задачу усвоения первого языка.

Если циркумфиксы типа *на-ся* непредставимы как сумма двух аффиксов, универсальная грамматика должна содержать циркумфиксацию как элементарную морфосинтаксическую операцию такого же уровня, как префиксация и суффиксация. Это немедленно порождает разветвленную языковую типологию (языки с суффиксами, языки с префиксами, языки с циркумфиксами, языки с суффиксами и циркумфиксами и т. д.) и предсказывает объемное межъязыковое варьирование. Усвоение языка обременяется необходимостью определить, где в огромном пространстве типологических возможностей располагается усваиваемый язык. Если универсальны только префиксация и суффиксация, типология сводится к четырем возможностям (что-то одно, что-то другое, и то и другое, ни то ни другое), а усвоение становится компактной задачей с понятным алгоритмом решения. Именно поэтому значительные достижения фонологии и морфологии последних десятилетий связаны именно с идеей сведения «неканонических» позиционных типов аффиксов (инфиксов, трансфиксов и т. п.) к двум элементарным операциям — префиксации и суффиксации.

Например, классический пример языка с инфиксацией, тагальский, при ближайшем рассмотрении превращается в язык с префиксацией (Prince, Smolensky 1993). Тагальский инфикс — это префикс, который может уточнить свою линейную позицию с целью построить слово с оптимальной слоговой структурой — с минимальным количеством закрытых слогов. Инфиксация в других языках — это в действительности префиксация, однако префиксация, определенная не в морфологических («присоединить префикс к основе»), а в просодических терминах (например, «присоединить префикс к первой стопе просодического слова») (McCarthy, Prince 1998).

Арабский язык — пример трансфиксации, в котором разрывные аффиксы помещаются внутрь разрывных корней. Однако, как мы знаем благодаря работам Дж. Маккарти (McCarthy 1979), в действительности в арабском языке, как и в любом другом, никаких разрывных морфем нет: этот эффект создается взаимодействием просодического шаблона словоформы с автономными («автосегментными») морфологическими уровнями — корневым и аффиксальным. Теоретические достижения такого рода открывают возможность избавить теорию языка от инфиксов и трансфиксов и выстроить более простой и более объяснительно адекватный инвентарь морфологических единиц.

Возможно ли так же избавиться от циркумфиксов русского типа? Ниже мы представим аргументы в пользу того, что значение циркумфиксов в действительности строго композиционально, а деривация осуществляется по сценарию в (4а). Мы выстроим изложение на материале глаголов так называемого интенсивно-результативного способа действия с «циркумфиксом» *на-ся*, предполагая, что наши выводы распространяются на другие глаголы из (1) без потери общности.

Чем различается семантика (6) и (7)?

(6) *Володя гулял.*

(7) *Володя нагулялся.*

(6) и (7) связаны отношением асимметричного следования: если верно, что Володя нагулялся, верно и то, что он гулял. Обратное неверно. Следовательно, (7) описывает более узкий класс ситуаций, чем (6). Прежде всего, *нагуляться* — глагол совершенного вида и в этом качестве предполагает предел, или кульминацию. В какой момент достигается кульминация? По мере развертывания описываемой ситуации меняется параметрическое свойство ее участника. Свойство может быть поименовано с помощью адьюнкта, как в (8), но может и оставаться недоспецифицированным, как в (7). В последнем случае его характер либо проясняется из контекста, либо так и остается неуточненным. Предложения типа (7) большинство носителей склонно интерпретировать как 'гулял до исчерпания потребности в гулянии' или 'до состояния удовлетворенности'.

(8) *Я находился за день, нагулялся до изнеможения, наслушался безмолвия*
[Валентин Распутин. На родине (1999)]

Кульминация ситуации достигается в тот момент, когда свойство достигает определенной контекстно-зависимой степени. После кульминации наступает результирующее состояние, которое состоит в обладании этой степенью свойства. Эти простые наблюдения подводят нас к первому обобщению:

(9) Исходный глагол и циркумфиксальный дериват различаются структурой события.

Структура события — понятие, определяющее, как описываемая ситуация складывается из подсобытий, каковы дескриптивные свойства этих подсобытий и как актанты предиката соотносятся с подсобытийными компонентами (см. не утративший актуальности обзор имеющихся теорий в Levin, Rappaport Novav 2005, а также разбор нескольких конкретных систем в Татевосов 2010). Для нас важны два типа событийных структур — структура деятельностей и структура свершений³. (10) и (11) показывают принимаемый нами событийно-структурный анализ непереходных деятельностей и свершений⁴.

$$(10) \ || \ [\underset{\text{деятельность}}{V} \] \ || = \lambda x.\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \ || \ V \ ||(e)$$

(10) представляет собой отношение между индивидами и событиями. События, входящие в это отношение, обладают дескриптивными свойствами, определяемыми глаголом ($\| V \|\$). Кроме того, любые деятельности удовлетворяют предикату *process*, который, в частности, гарантирует, что сложная событийная дескрипция $\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \ || \ V \ ||(e)$ является кумулятивной и некантованной при любом x . Индивидуальные элементы, по которым пробегает переменная x , состоят с событиями в семантическом отношении *arg*. Для большинства глаголов деятельности *arg* — это семантическая роль агенса. Соответственно, глагольная группа *vP* предложений типа (6) имеет вид (11): это событийный предикат, обозначающий события, в которых Володя гуляет.

$$(11) \ || \ [\text{vP} \text{ Володя гуля-} \] \ || = \lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{agent}(\text{Volodja})(e) \wedge \text{walk}(e)$$

³ Событийные структуры и акциональные классы не находятся во взаимнооднозначном соответствии. В первом приближении можно сказать, что в акциональном классе деятельностей (*вездлеровские активности*) содержатся только событийные структуры деятельностей. Предикаты, имеющие структуру свершений (*accomplishments*), попадают в акциональный класс свершений. Подробнее о том, как соотносятся акциональный класс и событийная структура см. Татевосов 2010.

⁴ Здесь и далее мы используем экстенциональное λ -исчисление с элементарными логическими типами e (индивиды), v (события), d (степени) и t (истинностные значения); производные типы рекурсивно определяются стандартным образом. (Термин «событие» здесь следует понимать как синоним термина «ситуация».) Наличие в этой системе событий делает ее вариантом так называемой событийной семантики (Davidson 1980, Parsons 1990 и обширная последующая литература). Некоторые аргументы в пользу придания событиям онтологического статуса суммируются в Татевосов 2013. Все прочие компоненты метаязыка и его интерпретация стандартны. В нем есть переменные, пробегающие по индивидам, событиям, степеням (соответственно, $x, y, z, \dots, e, e', e'', \dots, d, d', d'', \dots$ и т.д.) и любым выражениями производных логических типов (например, переменная P соответствует одноместным предикатам любых типов); константы любых логических типов (например, *walk* — константа типа $\langle v, t \rangle$) и т.д. Индивиды соотносятся с событиями с помощью семантических ролей (например, *agent*), имеющих логический тип отношений между индивидами и событиями $\langle e, \langle v, t \rangle \rangle$. Единственное правило композиции, используемое в этой статье, — применение функции к аргументу. Читателям, не знакомым с началами теоретико-модельной семантики, мы рекомендуем обратиться за дальнейшими подробностями к Heim, Kratzer 1998.

Событийная структура свершений устроена сложнее. Она состоит по меньшей мере из двух подсобытий: подсобытия деятельности, которое устроено так же, как (10), и подсобытия изменения состояния. Два подсобытия связаны отношением непосредственной каузации. Событийная структура свершений содержит по меньшей мере два индивидуальных актанта, по одному на каждое подсобытие.

$$(12) \ || \ [V_{\text{свершение}}] \ || = \lambda d.\lambda y.\lambda x.\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \exists e'[\text{increase}(G_v(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

Самая существенная часть компонента, определяющего изменение состояния — отношение INCREASE между индивидами, событиями и степенями:

$$(13) \ || \ \text{INCREASE}(G(y))(d)(e') \ || = 1 \ \text{тогда и только тогда, когда степень, в которой индивид } y \ \text{обладает параметрическим свойством } G, \ \text{возрастает при осуществлении события } e \ \text{на степень } d.$$

В (12) глагол определяет дескриптивные свойства не подсобытия деятельности, а подсобытия изменения состояния (переменная e'), причем делает это опосредованно — путем задания параметрического свойства G , которое меняется при осуществлении ситуации. В (12) G фигурирует как несвязанная переменная, значение которой присваивается в результате оценки переменных.) Таким способом мы реализуем известную дихотомию глаголов способа и глаголов результата в принятом нами варианте анализа деятельности и свершений. Наконец, последний элемент (12) — отношение непосредственной каузации, в которое вступают подсобытия деятельности и изменения состояния.

Прежде чем сформулировать семантику *нагуляться* в (7), рассмотрим более простой случай: глаголы свершений типа *высушить*. Глагольная группа в предложении типа *Володя высушил белье* получает анализ в (14):

$$(14) \ || \ [\text{Володя высуши- белье}] \ || = \lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{agent}(V)(e) \wedge \exists e'[\text{increase}(\text{dry}(\text{linen}))(d_{\text{max}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(14) обозначает множество процессов e , в которых агенсом выступает Володя. Каждый такой процесс вызывает к жизни событие e' , в котором сухость белья ($\text{dry}(\text{linen})$) возрастает в максимальной степени d_{max} .

В этой статье мы предполагаем в порядке упрощения, что максимальная степень изменения параметрического свойства — это семантический вклад префикса. Соответственно, мы рассматриваем префикс как функцию, которая применяется к обозначаемому глагольной основой отношению между двумя индивидами, степенями и событиями. Префикс присваивает степенной переменной максимальную (по отношению к данному индивиду) степень изменения по шкале, соответствующей обозначаемому глаголом параметрическому свойству⁵.

⁵ Более полный анализ префиксов должен учесть то, что префиксы определяют результирующее состояние.

$$(15) \quad || \text{PRF} || = \lambda S. \lambda y. \lambda x. \lambda e. S(y)(x)(\max\{d \mid \exists x \exists e' [S(x)(y)(d)(e')]\})(e) = \lambda S. \lambda y. \lambda x. \lambda e. S(y)(x)(d_{\max})(e)$$

Для основы глагола *сушить* параметрическое свойство — ‘сухой’, а максимальная степень изменения — та, в которой достигается нулевая степень влажности.

Поскольку событийная структура свершений содержит в качестве аргумента степенную переменную, присоединение префикса делается необходимым для заполнения этой аргументной позиции. С интуитивной точки зрения это означает следующее: свершения описывают изменение и нуждаются в выражении, которое задает степень этого изменения. Соответственно, за вычетом нескольких специальных случаев, в русском языке любая структура свершений является префиксальной, и любая префиксальная конфигурация имеет структуру свершений.

Интерпретация префикса в общем случае зависит от двух параметров (в порядке упрощения это не показано в (15)): от конкретной лексической основы и от типа шкалы, представленного в конкретной событийной структуре. Например, с основой *суши-* префикс *вы-* опирается на минимальное значение на шкале влажности, лексически заданной для этой основы, а с основой *писа-* — на шкале, указывающей на полноту соответствия копии и оригинала: для *выписать цитату из книги* кульминация наступает, когда создание копии цитаты завершается. Это широко известный идиоматический аспект семантики префиксов (по крайней мере, так называемых лексических префиксов).

Перейдем к (7). Мы предполагаем для (7) следующий деривационный сценарий:

- (16) а. Событийная структура деятельностей преобразуется в структуру свершений.
 б. Структура свершений присоединяет префикс.
 в. Образовавшаяся конфигурация содержит два референциально независимых индивидных аргумента и в этом качестве оказывается некорректно построенной.
 г. Деривация восстанавливает корректность посредством рефлексивизации, отождествляющей две аргументные позиции.

Рассмотрим эти шаги по порядку. Исходный пункт деривации — структура деятельностей в (10). Глаголы типа *нагуляться*, как мы видели, обозначают изменение параметрического свойства, которого в (10) нет. Мы предполагаем, что этот шаг обеспечивается фонологически не выраженной операцией $\text{SHIFT}_{d \rightarrow c}$, которая создает из структуры деятельностей структуру свершений посредством приращения компонента изменения состояния.

$$(17) \quad \text{SHIFT}_{d \rightarrow c} (|| \text{гуля-} ||) = \lambda d. \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(17), как и любая структура свершений, содержит аргументную позицию для степени изменения параметрического свойства G , а значит, требует присоединения префикса. После этого образуется отношение в (18).

$$(18) \text{ || на- [SHIFT}_{d \rightarrow c} \text{ (|| гуля- ||) ||} = \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(y))(d_{\text{max}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(18) — отношение между двумя индивидами и событиями, которое обладает следующими свойствами. Индивид, соответствующий переменной x , гуляет. В результате у другого индивида у степень обладания некоторым контекстно заданным свойством прирастает до максимальной. Это семантика глагола *нагулять*.

По поводу этого глагола возникают два наблюдения. Во-первых, предложения типа (19) неграмматичны.

(19) **Володя нагулял Феликса (до изнеможения).*

В (19) мы предполагаем значение, идентичное значению *нагуляться*, но с той разницей, что изменение параметрического свойств происходят не с тем, кто гуляет, а с некоторым другим актантом. Меняющееся свойство, соответственно, — это один из параметров, характеризующих внутреннее состояние индивида, например, 'утомленность', 'удовлетворенность' и т.п. Как видно из (19), такую семантику *нагулять* иметь не может.

Неграмматичность (19), однако, не означает, что глагол *нагулять* невозможен вовсе. В этом состоит второе наблюдение. *Нагулять* допускается в предложениях типа (20), где прямым дополнением выступает ИГ *аппетит*.

(20) *Володя нагулял аппетит.*

Среди немногочисленных вхождений глагола *нагулять* в НКРЯ более одного раза встречаются следующие прямые дополнения:

(21) *аппетит, жир(ок), брюхо, дитя, щетина, тело, сон, авторитет*

Как видно из (21), диапазон возможностей достаточно широк, и более того, основа *гуля-* задействована в разных значениях (ср. *нагулять ребенка, нагулять авторитет и нагулять жирок*). Все случаи объединяет общее свойство: объект создается при осуществлении (того или иного варианта) ситуации гуляния. Соответственно, *нагулять* в этих случаях — это глагол созидания, а параметрическое свойство G в (20) принимает облик 'быть созданным'.

Это, однако, не все. Критически важный факт о структуре и семантике предложений типа (20) состоит в том, что подлежащее и прямое дополнение должны быть связаны отношением обладания (в широком смысле). Аппетит в (20) — это Володин аппетит, но никак не чей-то еще. Реализовав посессора при прямом дополнении в качестве дативного адъюнкта, мы получаем возможность сделать этот факт явным:

(22) *Володя нагулял себе аппетит.*

(23) **Володя нагулял Феликсу аппетит.*

Ограничение в (22)–(23) не вытекает из семантики в (18), однако оно помогает прояснить общую картину. Глагол *нагулять* с семантическим представлением в (18) возможен только как промежуточный шаг деривации, после которого мы должны направиться двумя путями: либо построить глагол *нагуляться*, либо создать глагол *нагулять*, у которого два актанта находятся в отношении обладатель-обладаемое. Эти этапы деривации показаны соответственно в (24)–(25) и (26)–(27):

(24) $\| \text{-ся-} \| = \lambda S.\lambda x.\lambda e.S(x)(e)$

(25) $\| [\text{-ся} [\text{на-} [\text{SHIFT}_{d \rightarrow c} (\| \text{гуля-} \|)]]] \| = \lambda x.\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(x))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$

В (25) в результате рефлексивизации создается отношение между индивидами и событиями такое, что индивид одновременно выступает агенсом гуляния и объектом изменения параметрического свойства, которое в результате гуляния достигает максимума. Это в точности семантика глагола *нагуляться*.

(26) $\| \text{poss} \| = \lambda S.\lambda y.\lambda x.\lambda e.S(y)(x)(e) \wedge \text{poss}(y)(x)$

(27) $\| [\text{poss} [\text{на-} [\text{SHIFT}_{d \rightarrow c} (\| \text{гуля-} \|)]]] \| = \lambda y.\lambda x.\lambda e.\text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \text{walk}(e) \wedge \exists e' [\text{increase}(G(y))(d)(e') \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge \text{poss}(y)(x)]$

В (26)–(27) описана посессивизация, которая сохраняет оба индивидуальных аргумента (18) нетронутыми, но наводит на них дополнительное ограничение: внешний аргумент должен быть посессором внутреннего.

В этом месте возникает два взаимосвязанных вопроса: что общего между рефлексивизацией и посессивизацией и почему та или другая необходимы для спасения (18) от деривационного краха? Ответ на первый вопрос напрашивается: и то и другое — способы определения одной сущности через другую. Рефлексивизация — наиболее радикальный способ, когда сущности делаются референциально идентичны. Посессивизация приводит к похожему эффекту: референция объектной именной группы становится зависимой от референции другой именной группы (или приводит к связыванию переменной квантором, если в позиции подлежащего — кванторная именная группа). И то и другое можно рассматривать как разновидности одной процедуры — определения участника одного подсобытия через участника другого. Назовем эту процедуру **соотнесением подсобытий через участника**, или Р-соотнесением.

Почему Р-соотнесение с необходимостью применяется к отношению в (18)? Ответ на этот вопрос начинает проясняться с помощью следующего наблюдения:

(28) Р-соотнесение происходит ровно в тех случаях, когда лексическая основа не в состоянии определить дескриптивные свойства подсобытия изменения состояния.

У основ типа *сушить* характер изменения состояния определен лексическим значением основы: это изменение по шкале влажности. У *нагуляться* и *нагулять аппетит* семантика *гуля-* определяет характер подсобытия деятельности — это гуляние. Однако она ничего не сообщает о характере изменения состояния. Как мы отметили выше, тип параметрического свойства, которое изменяется в этих случаях, частично ограничивается префиксом и частично определяется контекстом (в технических терминах — с помощью оценки переменной G). Тем не менее, никаких лексических единиц, непосредственно внедряющих в семантическое представление информацию о дескриптивных свойствах подсобытия изменения состояния, в этом случае нет. (18) — дефектная структура свершений.

Мы предполагаем, что именно недоопределенность подсобытия изменения состояния приводит к запуску процедуры Р-соотнесения. Подсобытия с недоопределенными дескриптивными свойствами доопределяются через соотнесение их участников с участниками другого подсобытия.

Какого типа данные позволили бы нам убедиться, что это предположение верно? В этом месте на помощь приходит следующее рассуждение. Если конфигурация в (18) плоха недоопределенностью подсобытия изменения состояния и если спасение деривации от краха происходит с помощью Р-соотнесения, мы ожидаем, что в тех случаях, когда подсобытие определено в достаточной степени, Р-соотнесения не происходит. Соответственно, мы ожидаем, что если основы типа *гуля-* возможны в переходных конфигурациях с референциально независимым прямым дополнением, то подсобытие изменения состояния обязано быть лексически идентифицировано. Поскольку единственный доступный лексический идентификатор — это сама основа *гуля-*, мы ожидаем, что в этих случаях она будет модифицировать не подсобытие деятельности, а подсобытие изменения состояния. Судя по всему, ожидание подтверждается.

Основы типа *гуля-* действительно допускаются в переходных конфигурациях с референциально независимым прямым дополнением:

(29) *Володя выгулял* ^{OK}*свою* || ^{OK}*его собаку*.

В (30) участником ситуации гуляния выступает прямое дополнение, но не подлежащее:

(30) *Володя выгулял собаку*.

→ Собака гуляла.

*→ Володя гулял.

Чтобы (29) правильно описывало мироздание, требуется, чтобы гуляла собака. Чтобы гулял Володя, совершенно не требуется. (29) истинно, даже если Володя в течение всей ситуации неподвижно сидел на скамейке. Это показывает,

что предикат *гуля-* интегрируется в событийную структуру (29) принципиально иначе, чем в *нагуляться* или *нагулять аппетит*. В (29) он модифицирует подсобытие изменения состояния — то, в котором собака приобретает определенную степень выгулянности. Семантическое представление (29) показано в (31):

$$(31) \ || \ [\text{вы-} [\text{SHIFT}_{\text{д} \rightarrow \text{с}} (\ || \ \text{гуля-} \ || \)] \ || \] \ = \ \lambda y. \lambda x. \lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e) \wedge \exists e' [\text{walk}(e) \wedge \text{increase}(G(y))(d_{\text{MAX}})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

Семантика в (31) верно предсказывает, что подсобытие изменения состояния — это одновременно событие гуляния, и его участником выступает внутренний аргумент предиката.

Глаголы типа *выгулять* в сопоставлении с глаголами типа *нагулять (аппетит)* и *нагуляться*, позволяют заключить, что высказанное выше предположение подтверждается. Необходимость Р-соотнесения наступает во всех и только в тех случаях, когда не происходит лексической идентификации подсобытия изменения состояния. Если это так, то свойства дериватов от основ типа *гуля-* становятся полностью предсказуемыми и регулируются единственным принципом в (32):

(32) Подсобытие изменения состояния должно быть лексически идентифицировано.

Эмпирическая реальность этого принципа находит независимые подтверждения в литературе по лексической декомпозиции, в первую очередь у Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Levin, Rappaport Novav 1995, Rappaport Novav, Levin 1998, Rappaport Novav 2012). Р-соотнесение — это стратегия спасения деривации для тех случаев, когда (31) не выполняется. Похожая операция, называемая TPCONNECT, обсуждается С. Ротстин (Rothstein 2004) в связи с построением результативных конструкций в английском языке. Английские результаты, однако, в отличие от русских «циркумфиксальных» глаголов, не нуждаются в буквальном отождествлении участников двух подсобытий, поскольку подсобытие изменения состояния лексически определяется с помощью результативной ХР.

Подведем итог. Русские глаголы типа *нагуляться* не являются аргументом в пользу выделения циркумфиксов как отдельного позиционного типа аффиксов. Данные, которые мы рассмотрели, полностью совместимы с анализом в (32):

(33) *Гулять* → *на-гулять* → *нагулять-ся*

Мы предположили, что промежуточный шаг деривации — переходные глаголы типа *нагулять* с референциально независимым прямым дополнением — невозможны в силу того, что подсобытие изменения состояния остается в них лексически неспецифицированным. Присоединение *-ся*, однако, открывает путь к спасению: подсобытие доопределяется не через дескриптивные

свойства, а через идентификацию его участника с участником подсобытия деятельности. У *нагуляться* постфикс *-ся* выступает в прототипической ипостаси — как рефлексивный показатель, отождествляющий две аргументные позиции предиката. Если предложенный нами анализ верен, постулирование циркумфиксов лишается сколько-нибудь серьезных эмпирических оснований.

Литература

1. Davidson D. (1980), The logical form of action sentences, in *Essays on Actions and Events*, Clarendon Press, pp. 105–122.
2. Hale K., Keyser S. J. (2002), *Prolegomenon to a theory of argument structure*, MIT Press, Cambridge.
3. Levin B., Rappaport Hovav M. (1995), Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface, MIT Press, Cambridge.
4. Levin B., Rappaport Hovav M. (2005), *Argument Realization*, Cambridge University Press, Cambridge.
5. McCarthy J. (1979), *Formal Problems in Semitic Phonology and Morphology*, PhD dissertation, MIT.
6. McCarthy J., Prince A. (1998), Prosodic morphology, in *The handbook of morphology*, Blackwell, Oxford, pp. 283–305.
7. Parsons T. (1990), *Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics*, MIT Press, Cambridge.
8. Prince A., Smolensky P. (1993), *Optimality Theory: Constraint interaction in generative grammar*, Technical Report CU-CS-696-93, Department of Computer Science, University of Colorado at Boulder, and Technical Report TR-2, Rutgers Center for Cognitive Science, Rutgers University, New Brunswick.
9. Rappaport Hovav M. (2008), Lexicalized Meaning and the Internal Temporal Structure of Events, in *Crosslinguistic and Theoretical Approaches to the Semantics of Aspect*, John Benjamins, Amsterdam, pp. 13–42.
10. Rappaport Hovav M., Levin B. (1998), Building Verb Meaning, in *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, CSLI Publications, Stanford, pp. 97–134.
11. Rothstein S. (2004), *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*, Blackwell publishing, Malden.
12. *Russian Grammar [Russkaja grammatika]* (1980), Moscow.
13. Tatevosov S. (2010), *Actionality in Grammar and Lexicon [Aktcionalnost' v leksike i grammatike.]*, D.Sc. dissertation, Moscow State University.
14. Tatevosov S. (2013), Event semantics as an empirical enterprise [Semantika sobytija kak empiricheskaja problema], *Philosophy of Language and Formal Semantics [Filosofija jazyka i formalnaja semantika]*, Alpha, Moscow, pp. 8–42.